

С. М. Даровских, А. П. Гуськова

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

S. M. Darovskikh, A. P. Guskova

PROBLEMS OF ENSURING THE RIGHTS OF VICTIMS OF CRIMES IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Статья посвящена отдельным проблемным вопросам обеспечения прав потерпевших от преступлений. Одно из условий состязательного процесса — равенство сторон — не надлежащим образом реализуется в уголовном судопроизводстве. Потерпевший как представитель стороны обвинения и активный участник процесса не наделен правами, которыми располагает обвиняемый (подозреваемый). В течение последнего времени законодателем предпринимаются определенные шаги в направлении расширения прав потерпевшего. В статье анализируются некоторые проблемные вопросы определения статуса лица, пострадавшего от преступлений, проблемы, связанные с разрешением заявлений граждан, пострадавших от преступлений и другие проблемы реализации потерпевшими своих прав в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: потерпевший, пострадавший, субъективное право, Конституция Российской Федерации, Конституционный Суд РФ, уголовное судопроизводство.

The article dwells on certain problematic issues of ensuring the rights of victims of crimes. One of the conditions of adversarial proceedings is the equality of the parties which is not properly implemented in the criminal proceedings. The victim as a representative of the prosecution and an active participant of the trial is not entitled to the rights the accused (suspect) has. In recent times certain steps towards the expansion of the rights of the victim have been implemented. The article analyzes some of the problematic issues of determining the status of a victim of a crime, as well as problems associated with the resolution of claims of citizens affected by crime and other problems of implementation of the rights of victims in criminal proceedings.

Keywords: victim, complainant, subjective right, Constitution of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation, criminal proceedings.

Проблемы обеспечения прав потерпевших от преступлений являются едва ли не самыми актуальными проблемами уголовного судопроизводства не только в России, но и в других странах.

В уголовно-процессуальном законе, принятом в 2001 году, законодатель, фор-

мулируя назначение уголовного судопроизводства, в первую очередь определяет необходимость защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Однако, несмотря на такое законодательное урегулирование данного вопроса, многие российские

ученые высказывают мнение о некотором несоответствии отечественного уголовно-процессуального законодательства не только международным стандартам, но и Конституции Российской Федерации, что должно повлечь определенные преобразования, в том числе и применимо к обеспечению прав потерпевших в уголовном судопроизводстве [5, с. 6].

Необходимость данных мер очевидна и вполне обоснована. Одним из важнейших критериев деятельности демократического правового государства является предупреждение возникновения ситуаций, представляющих угрозу для граждан, обеспечение их безопасности и конечно, забота государства о потерпевших от преступлений. Однако в то же время в тексте Конституции Российской Федерации только одна статья посвящена правам потерпевших от преступлений, в то время как права и интересы обвиняемых, подозреваемых обеспечиваются рядом конституционных положений, более десяти статей посвящены вопросам обеспечения прав лиц, совершивших преступления. Вполне логично на этом фоне воспринимаются предложения ученых предусмотреть в Конституции Российской Федерации положения, расширяющие права потерпевших от преступлений. Можно согласиться с мнением С. И. Винокурова, который предлагает закрепление в Основном Законе страны права потерпевших на создание общественных благотворительных организаций, специально предназначенных для защиты потерпевших от преступлений и оказания им необходимой помощи, обеспечения самому потерпевшему неотложной помощи от государства, возможности обеспечения его социальной реабилитацией и, конечно, возмещения вреда, ему причиненного [1]. Следует согласиться и с теми учеными, которые неоднократно высказывали предложения о внесении изменений в УПК РФ, касающихся обеспечения права потерпевшего и направленных на расширение прав этого участника процесса. Изменения, внесенные законодателем в текст УПК РФ в течение последних лет, еще больше обострили проблемы, которые требуют как разработки новых норм, касающихся прав потерпевших от преступления лиц, так и согласования между собой уже имеющихся.

На наш взгляд, определенные сложности возникли по вопросу определения процессуального статуса данного лица. В соответствии со ст. 42 УПК РФ, потерпевшим признается лицо, которому преступлением причинен моральный,

материальный либо физический вред незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и данный факт оформляется постановлением соответствующего должностного лица. Однако новая редакция ст. 144 УПК РФ, позволяющая совершение процессуальных действий до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела в рамках доследственной проверки сообщений о преступлении, предопределила возможность получения объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребование документов, направление их на исследование, назначение экспертизы, проведение освидетельствования и все данные действия могут производиться в отношении лица, еще не являющегося потерпевшим, поскольку еще нет возбужденного уголовного дела, но по своей сути фактически являющегося пострадавшим от преступления. Определение статуса указанного лица представляется очень важным, поскольку производство следственных, процессуальных действий в соответствии с требованиями, изложенными в законе, позволяет должностным лицам получить доказательства уже на такой ранней стадии процесса и, в случае необходимости, сохранить их в данном качестве в течение всего судопроизводства. Указанные действия в отношении лица с неопределенным процессуальным статусом не позволяют получать полноценные доказательства, их допустимость всегда может быть оспорена в судебном разбирательстве. Поэтому мы полагаем, что целесообразно введение в УПК РФ нового процессуального лица, пострадавшего от преступных действий, права и обязанности которого (например, обязанность говорить правду) следует закрепить в п. 1.1 ст. 144 УПК РФ, а в п. 25.1 ст. 5 УПК РФ ввести понятие «пострадавший», определив его как лицо, заявившее о причинении ему преступными действиями вреда, до возбуждения уголовного дела.

Следующая проблема, которая касается реализации прав потерпевшего, также связана с порядком возбуждения уголовных дел. Лишение прокурора права на возбуждение уголовных дел привело к ситуации, которая достаточно часто встречается в следственной практике, о чем отмечали в своих выступлениях и Генеральный прокурор Российской Федерации, и министр внутренних дел России. Например, в своем докладе от 29.04.2014 года Совету Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Генеральный прокурор РФ Ю. Я. Чайка указал следующее: «...Реализуя соответствующую

щие полномочия, в 2013 г. выявлено более 470 тыс. нарушений при отражении сведений о состоянии преступности. В результате их пресечения последние стали более объективными, обнажились просчеты системы профилактики правонарушений. В 2013 г. значительные усилия прокуроров вновь потребовались для обеспечения законности на начальной стадии уголовного судопроизводства. Отменено более 2,5 млн незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, выявлено свыше 158 тыс. преступлений, не получивших своевременного учета. Обсуждение ситуации на заседании Коллегии Генеральной прокуратуры показало, что все чаще допускаются факты неправомерного вынесения постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, в том числе вопреки позиции прокурора о наличии достаточных признаков преступления. Многочисленны примеры отмены прокурорами незаконных решений по одному и тому же заявлению пять и более раз. В масштабах России они исчисляются тысячами. В результате происходит нарушение разумных сроков судопроизводства, а в ряде случаев освобождение от ответственности виновных лиц ввиду истечения сроков давности. Установлено 4 тыс. прямых отказов в приеме заявлений о преступлениях и случаев их нерегистрации при наличии бесспорных оснований для проверки и возбуждения дел. Особую тревогу вызывает то обстоятельство, что более трети из них (1400) допущено должностными лицами Следственного комитета, то есть теми, кто должен давать таким фактам уголовно-правовую оценку. Следователи Следственного комитета не спешат привлекать к уголовной ответственности своих коллег и за незаконное ограничение конституционных прав граждан...» [4].

За каждым решением об отказе в возбуждении уголовного дела в первую очередь стоят пострадавшие от преступлений, однако их интересы не учитываются при принятии данных решения. На первый план выдвигается профессиональный интерес должностных лиц, наделенных правом возбуждать уголовные дела, но не заинтересованных в принятии положительного решения, поскольку именно они и должны будут заниматься расследованием этого возбужденного ими уголовного дела и в тех случаях, когда перспектива дела неясна либо должностное лицо уверено в невозможности выявления виновных лиц, совершивших то либо иное преступление, наделенные правом возбуждать уголовные дела лица

скорее откажут в этом под надуманными предлогами, чем будут повышать процент нераскрытых уголовных дел в своей отчетности и тем самым занижать показатели качества своей работы.

Указанные действия представителей стороны обвинения: следователя, дознавателя, руководителя следственного органа, органа дознания некоторые ученые предлагают квалифицировать как злоупотребление правами и обосновывают свое мнение следующими доводами. Во-первых, данные должностные лица располагают процессуальными правами по оценке выявленных в ходе доследственной проверки обстоятельств определенного события. Во-вторых, реализуют эти права они правомерно, т. е. в соответствии с положениями УПК РФ. В-третьих, противоречие смыслу и назначению этих действий состоит в том, что должностные лица должны применять усилия, использовать все средства для объективного вывода о наличии либо отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела, а не идти по пути наименьшего сопротивления. Если в последующем вышестоящее должностное лицо своим постановлением отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, то, следовательно, предполагается наличие резерва относительно качества и количества проверочных действий, то, что не все средства были использованы. Такая деятельность органов предварительного расследования, бесспорно, причиняет вред государственным интересам, обществу и, конечно, потерпевшим. Уклонение от регистрации сообщений о преступлениях, необоснованные отказы в возбуждении уголовных дел негативно сказываются на оценке деятельности правоохранительных органов и укрепляют наличие правового нигилизма у населения [3, с. 113—114].

Выход из данной ситуации мы видим в возврате прокурору права на принятие волевого решения в случае, если органы дознания или предварительного следствия неоднократно не выполняют его указания по проведению определенных действий в рамках доследственной проверки и не менее двух раз выносят по указанным материалам постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

На наш взгляд, требует пересмотра позиция законодателя, в соответствии с которой суды при определении наказания не принимают во внимание мнение потерпевшего о назначении более строгого наказания, в то же время как мнение потерпевшего о смягчении наказа-

ния они учитывать могут. Такой позиции придерживается и Верховный Суд РФ, указав, что в соответствии со ст. 63 УК РФ перечень отягчающих наказание обстоятельств является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит [7]. Весьма определенно по данному вопросу высказался и Конституционный Суд Российской Федерации, указав в п. 3.1 Постановления, что «...обязанность государства обеспечивать права потерпевших от преступлений не предполагает наделение их правом определять необходимость осуществления публичного уголовного преследования в отношении того либо иного лица, а также пределы возлагаемой на это лицо уголовной ответственности и наказания — такое право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений принадлежит только государству в лице его законодательных и правоприменительных органов...» [8]. Таким образом, законодатель, формулируя критерии, которые могут влиять на наказание виновному, подошел к вопросу односторонне, разрешив судам учитывать мнение потерпевшего только в том случае, если тот ратует за его смягчение.

Однако в п. 2.1 этого же Постановления, ссылаясь на свои же правовые позиции, высказанные ранее, Конституционный Суд Российской Федерации утверждает, что потерпевшие в уголовном судопроизводстве имеют свои собственные интересы, которые связаны также и с разрешением вопросов о назначении наказания. Именно поэтому потерпевшему должны обеспечиваться участие в судебном заседании на всех стадиях уголовного процесса, возможность довести свою позицию по существу дела до суда и отстаивать свои права и законные интересы всеми не запрещенными законом способами [8]. Возникает вопрос, каким образом потерпевший будет отстаивать свои интересы и права, в том числе и в части назначения наказания подсудимому, если он лишен возможности ходатайствовать о более строгом наказании? Такой однобокий подход ни в коем случае не позволяет говорить о справедливости как в части назначения наказания, так и в отношении реализации прав участниками уголовного процесса. Не оспаривая публичный характер уголовно-процессуальной деятельности, мы все-таки согласны с мнением тех ученых, которые говорят о нецелесообразности полного исключения из уголовного процесса частных начал [9, с. 4]. Учет мнения потерпевшего по вопросу наказания ни в коем случае не будет ограничивать публичные начала уго-

ловного судопроизводства, но позволит судьям более объективно учитывать при выборе наказания поведение подсудимого в отношении заглаживания вины, возмещения причиненного им ущерба. «Разумные пределы реализации свободы» отмечает В. Н. Воронин, должны у потерпевшего быть связаны с характером причиненного ущерба и его наличием на момент назначения наказания [2]. Нам представляется совершенно правильным такой подход к решению данного вопроса. Следует отметить, что в ряде зарубежных государств, например в Великобритании, установлена система мер по учету личного мнения потерпевшего на всех стадиях судопроизводства, особенно если дело касается защиты их конституционных прав и удовлетворения их законных интересов [6, с. 149].

Можно остановиться еще на одной проблеме, решение которой предлагает в ранее упомянутом Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации. Расширяя права потерпевших, законодатель дополнил ст. 399 УПК РФ частью 2.1, где обязал суды извещать потерпевшего, его законного представителя и (или) представителя о дате, времени и месте судебного заседания, а также о возможности участия этих лиц путем использования систем видеоконференцсвязи. Само по себе данное решение можно только приветствовать, поскольку оно позволяет информировать потерпевших обо всех изменениях, происходящих с осужденным. Однако применение данной статьи в указанной редакции поставило суды в сложное положение, поскольку решения об условно-досрочном освобождении или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания принимаются по истечении определенного времени с момента вынесения основного решения, касающегося виновности осужденного. В течение данного времени потерпевшие могут сменить место жительства в пределах населенного пункта, сменить данные о себе, например, фамилию, выехать с места постоянного жительства в другой регион, что делает затруднительным либо вообще невозможным установление их места пребывания и, как следствие, невозможным выполнение условия, определенного законодателем, т. е. извещения потерпевшего о рассмотрении вопроса, касающегося дальнейшего отбывания наказания лица, совершившего в отношении их преступление.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 18 марта 2014 года № 5-П обосновал свою право-

вую позицию, в соответствии с которой он не считает необходимым подтверждение получения потерпевшим извещения о рассмотрении вопроса, касающегося дальнейшего отбывания наказания лица, совершившего в отношении этого потерпевшего преступление. По смыслу действующего законодательства право потерпевшего получать различного рода информацию о прибытии осужденного к месту отбывания наказания, о выездах за пределы учреждения, где он должен отбывать наказание, о времени освобождения из мест лишения свободы предопределяет наличие у потерпевшего обязанности своевременно извещать обо всех изменениях своего местожительства и способах получения данной информации. Подтверждения же вручения извещения не требуется, если сам суд не усматривает в этом необходимость.

Как нам представляется, с данной позицией можно было бы согласиться, если бы не одно обстоятельство. Отношения «потерпевший — осужденный» могут складываться по-разному, это касается как возмещения материального, морального вреда, причиненного преступлением, так и наличия потенциальной опасности для потерпевшего и членов его

семьи. Данные обстоятельства донести до суда могут только сам потерпевший, его представитель либо законный представитель, поскольку в материалах уголовного дела их может и не быть, а администрация учреждения, где осужденный отбывает наказание, такими сведениями также может не располагать. Именно поэтому мы полагаем, что суд должен располагать информацией о том, получил ли потерпевший извещение о судебном заседании относительно вопроса условно-досрочного освобождения осужденного, особенно по делам, когда потерпевший сам в судебном заседании при вынесении приговора по делу высказал свои пожелания относительно получения любой информации о порядке отбывания виновным наказания.

Высказав свое мнение по данному вопросу, Конституционный Суд Российской Федерации предложил законодателю внести соответствующие изменения в действующее законодательство, направленные на оптимизацию порядка уведомления потерпевших по уголовному делу о судебном заседании по рассмотрению вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного по данному уголовному делу от отбывания наказания.

References

1. Vinokurov S.I. Ugolovnaya politika i prava poterpevshego v svete Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii: ot deklaratsii k spravedlivosti [Criminal Politics and Rights of Complainant in the Light of the Constitution of the Russian Federation: From Declaration to Justice]. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2014, No. 3, p. 54-57.
2. Voronin V.N. Uchet mneniya poterpevshego pri naznachenii nakazaniya: pozitsiya sudebnoi praktiki [Taking into Account the Opinion of Complainant in Imposing Punishment: Position of Judicial Practice]. URL: www.lexandbusiness.ru
3. Darovskikh O.I. Zloupotreblenie pravom v ugovnom sudoproizvodstve Rossii [Abuse of Rights in Criminal Proceedings of the Russian Federation]. Chelyabinsk. Tsitsero Publ., 2013.
4. Doklad General'nogo prokurora Rossiiskoi Federatsii Yu. Ya. Chaika [Report of Prosecutor General of the Russian Federation Y.Y. Chaika]. URL: <http://www.genproc.gov.ru>
5. Egorov S.E. Prava cheloveka v ugovnom protsesse: mezhdunarodnye standarty i rossiiskoe zakonodatel'stvo [Human Rights in Criminal Proceedings: International Standards and Russian Legislation]. Moscow. Norma Publ., 2006. 224 p.
6. Levi A.A. Poterpevschii v ugovnom protsesse [Complainant in Criminal Proceedings]. Moscow, 2007. 179 p.
7. Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as of 11.01.2007 No. 2 On Practice of assignment of sentence by the courts of the Russian Federation. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii*, 2007, No. 4. (In Russ.)
8. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation as of 18.03.2014 No. 5-P on the case of constitutionality test of part 2 of the article 399 of the Criminal and Procedural Code of the Russian Federation in connection with the inquiry of Ketovsky District Court of Kurgan region. URL: <http://www.consultant.ru>
9. Sidorenko E.L. Dispozitivnost' kak rezhim ugovno-pravovogo regulirovaniya. Dokt. Dis. (Yuridicheskie nauki) [Dispositivity as a Regime of Criminal and Legal Regulation. Thesis of PhD Law]. Moscow, 2013.

ДАРОВСКИХ Светлана Михайловна, докт. юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Южно-Уральский государственный университет. Россия, 454080, Челябинск, ул. Коммуны, 149, каб. 302. E-mail: darsvet@mail.ru

DAROVSKIKH Svetlana Mikhailovna, PhD Law, Professor, Head of the Department of Criminal Proceedings and Forensic Science of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education South Ural State University (National Research University); Office 302, 149, Kommuny Str., Chelyabinsk, 454080, Russia. E-mail: darsvet@mail.ru

ГУСЬКОВА Антонина Петровна, докт. юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Оренбургский государственный аграрный университет. 460014, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 18. E-mail: narbikova@mail.ru

GUSKOVA Antonina Petrovna, PhD Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Proceedings of Orenburg State Agriculture University. 18, Cheluskintsev Str., Orenburg, 460014, Russia. E-mail: narbikova@mail.ru

For citation: **S. M. Darovskikh, A. P. Guskova** Problems of Ensuring the Rights of Victims of Crimes in the Russian Criminal Proceedings
Problemy prava (Issues of Law) founders journal № 1 (49). 2015. pp. 138–143.

